

Вперед к капитализму?

К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России

© Воейков М. И.

© Voeikov M.

Вперед к капитализму?

К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России

Forward to Capitalism?

The Question of Coming Under the Socio-economic Development of Russia

Аннотация. В статье рассматриваются объективные стадии развития общества, которые обязательно должна пройти каждая страна. Показано, что Россия ни после 1861-го, ни после 1921-го, ни после 1991 года так и не прошла стадию буржуазного общества. Но пройти стадию буржуазного развития надо. И можно сделать этот процесс управляемым. В противном случае страна не освободится от пут феодализма.

Annotation. The article discusses the objective stage of development of society, which must pass each country. It is shown that neither Russia after 1861 or after 1921 or after 1991, and have not passed the stage of bourgeois society. But to pass the stage of development of bourgeois right. And you can make the process manageable. Otherwise, the country is free from the shackles of feudalism.

Ключевые слова. Социальное развитие, буржуазная стадия, мещанство, крестьянская реформа, нэп, постсоветские трансформации.

Key words. Social development, the bourgeois stage, the petty bourgeoisie, the peasant reform, the NEP, the post-Soviet transformation.

Российская интеллигенция, которая размышляет о «судьбе России», — явление в своем роде неповторимое. Конечно, она, как еще писал о ней М. Горький, «играла, играет и еще будет играть роль ломовой лошади истории». Не рабочий класс, не бизнес, а именно интеллигенция и сегодня заворачивает все бучи, демонстрации, протесты и прочие недовольства. Она образованная, иногда начитанная и умная, но очень нетерпеливая — хочет всего сразу и сейчас. Так было не только после революции 1917 года, когда некоторые горячие и бескорыстные интеллигенты хотели сразу оказаться в коммунизме, но и в 1991-м, когда некоторые ушлые представители того же слоя хотели сразу, «шоково», окунуть Россию в рыночную экономику. Почему-то нашу интеллигенцию страшит медленный, постепенный путь развития. Возможно, в умеренности и постепенности она видит мещанство с его мелкими интересами и узким горизонтом. Ведь великая русская

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович — заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, профессор, доктор экономических наук.

литература, на которой выросла наша интеллигенция, более двух столетий воспитывала у нее устойчивый синдром антимещанства. Любимая мечта интеллигенции в конечном счете сводится к тому, чтобы «догнать и перегнать» «прогнанный» Запад и встать во главе планеты всей, хотя бы «в области балета».

Сегодня этот настрой связан с теорией опережающего развития, которая стала модной в некоторых кругах российской интеллигенции. В советский период эта теория была как бы общим местом официальной идеологии: считалось, что молодая и энергичная страна, вооруженная передовым учением (сначала это был просто марксизм, потом «марксизм-ленинизм»), сможет догнать и перегнать старые европейские страны. Пикантность ситуации заключалась в том, что такой пассаж никак не вытекал из самого марксизма. И созданная во времена И. Сталина идеологическая конструкция «марксизма-ленинизма», пытаясь объединить народнические представления с марксистской фразеологией, обосновывала и пропагандировала теорию опережающего развития.

Однако теорию опережающего развития придумали отнюдь не большевики (которые поначалу пытались далеко не отходить от марксизма), а русские народники. А они прямым текстом восприняли ее от А. И. Герцена. Он первым наиболее ярко и сильно поставил вопрос о месте России в мировой истории и возможности опередить другие страны в главном: «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, — писал Герцен 150 лет назад, — она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос» [1. С. 576]. Заметим сразу, что изменять собственному разуму не только не хорошо, но прямо плохо, и тут никакого вопроса нет. Но вернемся к Герцену. «Естественно возникает вопрос, — пишет далее Герцен, — должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений» [2. С. 186]. И еще: «Следует ли ему (русскому народу. — М. В.) пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в самом деле, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно?» [3. С. 176]. Дальнейший ход истории показал, что Герцен писал сильно и убедительно, но увы — неверно. Однако эта герценовская мысль о прямом попадании в постбуржуазное общество по прошествии времени стала весьма популярной в России.

Действительно, российская интеллигенция посвятила обсуждению этой проблемы почти все свои интеллектуальные усилия. А. И. Герцен, по сути дела, поставил коренной вопрос всей русской общественной мысли: как России вырваться из своей отсталости и встать вровень с передовыми странами Запада и, может быть, даже в чем-то опередить их? Все 150 лет после основных работ Герцена общественная мысль России вертелась вокруг этого самого вопроса. Вспомним, что почти весь советский период наша страна прожила под лозунгом «догнать и перегнать». И в свое время динамизм в развитии советской экономики несомненно присутствовал: этого отрицать нельзя. Но тут же напрашивается другой капитальный вопрос: реально ли *в принципе* превзойти

передовые западные страны, получится ли что-то путное из этой торопливости? И сегодня этот вопрос как никогда актуален: важно понять, превратится ли Россия в сырьевой придаток более развитых стран, то есть во второразрядную страну, или же сможет вырваться вперед — как нынче модно говорить, выскочить из «своей колеи»?

Вот тут, откровенно говоря, кроется проблема или отгадка русского пути и русской идеи. Дело в том, что объективные экономические условия развития России были иными, нежели в Европе. И в силу этого и некоторых других обстоятельств в своем экономическом и культурном развитии наша страна сильно отставала от передовых европейских стран. А вот ее общественная мысль находилась на уровне европейской. Многие русские социальные мыслители XIX и начала XX века прекрасно знали европейскую литературу, тесно общались с европейскими учеными (учились в их университетах, переписывались, дружили и т. д.), были, так сказать, европеизированы. Но социально-экономическая жизнь России той эпохи была архаичной. Получалось, что головой те мыслители находились в Европе, а задом — в России. И зад, естественно, перевешивал. А пробежать эту дистанцию хотелось как можно быстрее. Как в свое время верно заметил Л. Д. Троцкий, «страшил длинный путь от бескультурности и бедности нашей до тех целей, которые наметила мысль европейская» [4. С. 205]. И марксизм появился в России как западное учение, которое вроде бы открывало путь развития капитализма в постбуржуазное состояние общества. Как же тут не захотеть быстренько проскочить этот путь, если уже известно, куда надо бежать?

1

Часто задававшийся и задаваемый нами вопрос «Куда идет Россия?» отнюдь не сводится к проблеме выбора путей социально-экономического развития. Дело в другом: можем ли мы сами выбрать подходящую стратегию своего рывка? Как развиваются общества: в одну сторону или кто куда хочет и может? Проблема социально-экономического выбора в принципиальном отношении оказывается совместимой с определенной трактовкой «теории социальных альтернатив». Согласно ей «общественное развитие не имеет однозначной заданности. Всегда существует целый веер альтернатив или возможных вариантов развития» [5. С. 33]. Получается, что существует возможность развиваться в любую подходящую сторону. Но кто укажет, какая сторона лучше, и как быстренько пересечь в трамвай истории, идущий в нужном направлении?

Однако социальной наукой выработан определенный подход к анализу возможностей социально-экономического развития. Суть его вкратце состоит в следующем. Развитие производительных сил, экономики, техники и технологии вызывает соответствующие изменения общественных отношений. Это означает, что все страны, которые осваивают одну и ту же технику и технологию при всех их исторических особенностях и своеобразиях, показывают одинаковые закономерности исторического развития, проходя в его рамках примерно одни и

те же этапы. «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего... Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, не может перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [6. С. 9–10].

В советское время с этими положениями никто, конечно, не спорил. Но сейчас другое время. И естественно, эти положения стали подвергаться сомнению. Они проистекают из взгляда на Россию, ее настоящее и прошлое как на особую цивилизацию, имеющую путь развития, отличный от западного. При этом встает вопрос об альтернативности исторического развития: получается, что можно развиваться и как западная цивилизация, и иначе, следуя другим путем. Однако было бы нелепо представлять, что в одной стране действуют одни законы исторического развития, а в другой — другие. Это означало бы конец социальной науки вообще. Или же для каждой страны надо будет сооружать собственную общественную науку. Но может ли наука зависеть от государственных границ?

Существующей теорией показано, что и историческое развитие России, при всей ее уникальности, не составляет исключения. Крупнейшие русские философы и экономисты, которые не отождествляли себя целиком или вовсе с марксизмом, все это прекрасно понимали. Возьмем таких выдающихся представителей социальной науки в России, как П. Н. Милюков и Н. А. Бердяев, которых никак нельзя заподозрить в излишней приверженности марксизму — хотя последний они знали достаточно полно. Так вот, первый во многих своих работах доказывал, что процесс общественного развития идет в России точно так же, как и в других странах Европы, только с существенным запаздыванием. «Историческое развитие, — писал Милюков в начале XX века, — совершается у нас в том же направлении, как совершалось и везде в Европе» [7. С. 29]. На заре нашей истории, писал он в другой работе, мы застаем тот же, что и везде, но запоздавший у нас, переход от древнейшего племенного быта к государственному, те же остатки первобытных форм прямой власти народа. Более того, П. Милюков считал, что если исходить из теории «народной души» или «души предков» для объяснения самобытности России, то надо было бы согласиться с теорией, что монархия — это основная стихия русской истории [8. С. 7–8]. Однако же никто из серьезных ученых сегодня не разделяет монархических взглядов и даже те, которые усиленно бьются за уникальность душевного мира России.

Несколько иначе этот вопрос решал Н. Бердяев. Анализируя развитие мировой цивилизации как все большее преобладание материализма над духовностью и религиозностью, он иронически смотрит на тех, кто считает, что эта напасть материализма до России не доберется, что нас спасет «отсталость». И вот является соблазн думать, пишет Н. Бердяев, что эта мировая тенденция современной цивилизации не имеет власти над Россией и русским народом, что мы другого духа, что она есть лишь явление Запада, народов Европы. И тут же Бердяев приводит пример Германии начала XIX века, которая тогда пережила схожий творче-

ский подъем идеализма и романтизма; преобладание высших духовных интересов утверждалось как германский дух, германская настроенность в противоположность недуховному направлению «Запада», то есть Франции и Англии [9. С. 336]. Все повторяется, и все страны проходят одни и те же этапы исторического развития.

Таким образом, и Россия должна пройти те же этапы социально-экономического развития, что и другие страны Запада. Значит, этап буржуазности неизбежен. Был ли он в России, есть ли сегодня или когда будет?

2

Итак, была ли Россия буржуазной? Когда: после 1861 года — отмены крепостного права; после 1921 года — окончания Гражданской войны и перехода к нэпу; или после всем известного 1991 года? Вот три знаменательные даты в истории России, которые почему-то оканчиваются одинаково. Рассмотрим все по порядку.

Существует стереотипное представление, согласно которому крестьянская реформа 1861 года дала мощный импульс развитию капитализма в России, да так, что к началу XX века страна превратилась в достаточно созревшее капиталистическое общество. Этот стереотип далек от реального положения дел и был сформирован советской историографией в конкретных идеологических целях. Было подхвачено и неизменно раздуто такое, например, положение В. И. Ленина: «После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века» [10. С. 174].

Известно, что В. И. Ленин в этом вопросе слишком увлекся определением степени зрелости капитализма в борьбе с народниками, отстаивавшими некапиталистический путь развития. Последующие советские идеологи уже в борьбе не с народниками, а с меньшевиками, троцкистами и прочими ревизионистами постоянно воспроизвели эту ленинскую формулу, порой даже переступая границы здравого смысла. Вот, например, что писал в начале 1930-х годов Э. И. Квириг, тогдашний директор Института экономики АН СССР: «Капитализм в царской России на протяжении десятилетий (от 1880-х годов до 1917 г.) успел пустить глубокие корни и стать господствующей хозяйственной системой, а рабочий класс уже стал решающей политической силой» [11. С. 17]. В этой формуле все неправильно. Капитализм в царской России не был и не мог стать (всего-то за 37 лет!) господствующей системой, а рабочий класс также не мог стать решающей политической силой, ввиду своей численной незначительности. Удивительно другое. Этот идеологический шаблон советских времен до сих пор можно встретить в некоторых современных исследованиях, даже стремящихся дистанцироваться от советской историографии. Например, такой автор, как В. М. Кудров, стремящийся давать исторические оценки «с позиций современных

представлений и ценностей», то есть с либеральных позиций, делает следующий общий вывод, по сути, повторяя ленинское положение и углубляя тезис, выдвинутый в статье Э. Квинринга 1933 года о марксизме-ленинизме: «Все экономическое развитие России и экономическая политика самодержавия во второй половине XIX в. носили уже капиталистический, рыночный характер» [12. С. 69]. И это автор называет «современными представлениями!» Вот чем силен Ленин: даже своих антагонистов он заставляет повторять свои формулы более чем столетней давности! Короче говоря, у некоторых авторов советская идеологическая предвзятость сменилась другой идеологической предвзятостью, и в чем-то они совпали.

В советский период нужно было научно оправдать социалистический характер Октябрьской революции 1917 года и дальнейшее строительство социализма в одной экономически и культурно очень отсталой стране. Советская догма состояла в утверждении, что российский капитализм к 1861 году был уже достаточно развит, и крестьянская реформа лишь юридически оформила существующие буржуазные отношения, а к 1917 году он не просто занимал господствующее положение, но и был даже изрядно перезрелым. В общем, как писал В. И. Ленин, следствием крестьянской реформы явилась «смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом». Однако все это далеко от реальности. Реформа 1861 года не сделала Россию ни капиталистической, ни буржуазной.

После реформы 1861 года крупной машинной промышленности в стране создано не было: не появились даже отдельные «гиганты индустрии». Более того, М. И. Туган-Барановский констатировал, что результатом этой реформы «явилось значительное сокращение производства. Многие заводы долгое время не могли оправиться от удара, нанесенного им реформой, а некоторые совсем прекратили действия» [13. С. 316]. Конечно, потенциально крестьянская реформа давала импульсы для развития капитализма, но все случилось не сразу и довольно противоречиво. В промышленности капитализм так и не одержал «полную победу», ибо даже к началу XX века на Урале, в одном из главных промышленных центров страны, превалировали не отношения свободного найма рабочей силы, а остатки крепостнического прикрепления рабочих к конкретным промышленным предприятиям (рудимент института посессионных крестьян). Если политическая власть до 1917 года находилась в руках старой аристократии, то, следовательно, ни о каком господствующем положении капитализма после 1861 года говорить не приходится. Главная причина этого состояла в непоследовательности и противоречивости самой реформы, сохранении феодальных и крепостнических отношений, невозможности осуществления индустриализации. «С уничтожением крепостного права, — писал Г. Елисеев в 1874 году, — мы очутились в том же положении, в каком были до его начала» [14. С. 180].

Для создания индустрии необходимы огромные капитальные вложения, которых в стране не было. Железнодорожное строительство, которое начал С. Ю. Витте в целях индустриализации, после 1900 года за-

хлебнулось из-за острой нехватки средств. В среднем за год строилось железных дорог в 1896—1900 годах по 3100 верст, в 1901—1903-м — по 1902 версты, а в 1908—1913-м — уже по 719 верст [15. С. 591]. Таким образом, русская революция 1917—1921 годов не прервала индустриализацию, начатую при Витте, а явилась объективно неизбежным моментом самой индустриализации, которая была закончена уже в 1930-х годах. Крепостнические пережитки не позволяли национальному капиталу создать необходимые накопления и сформировать буржуазное общество.

Эта крестьянская реформа никакого начала буржуазной формации не положила, да и по своей сути не была буржуазной. Как писал И. Валлерстайн, «правильный подход заключается в том, что исторический капитализм возник в результате действий земельной аристократии, трансформировавшей себя в буржуазию» [16. С. 137]. Российские же помещики так и оставались земельной аристократией до 1917 года, и реформа 1861-го никак не побудила их трансформироваться в буржуазию — они и не собирались это делать. Прекрасной иллюстрацией отсутствия каких-либо буржуазных интенций у российских помещиков является пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» (1903). Новый российский предприниматель, купец Лопухин, говорит помещице Раневской, владелице вишневого сада: «Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете. Я вас каждый день учу... И вишневый сад и землю необходимо отдать в аренду под дачи... Поймите...» Помещица Любовь Андреевна Раневская: «Дачи и дачники — это так пошло, простите... Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом» [17. С. 429, 442]. А ведь это был господствующий класс в стране, который не видел и не понимал необходимости трансформации крепостнических отношений в буржуазные.

По верному наблюдению А. Гершенкрона, «для индустриального развития требуется не только расширение внутреннего рынка, не только появление обширного класса буржуазии, но также радикальные изменения в национальном характере российских людей» [18. Р. 107]. Правда, последнее утверждение ученого о том, что изменение национального характера было необходимо перед (*before*) индустриальным развитием, неточно. Ибо характер (то есть нравы, привычки, поведение, психология и т. п.) изменились не *до*, а *после* индустриализации и урбанизации. Пока еще в истории изменения условий материальной жизни меняют людей, а не наоборот.

И думается, более правы были народнические писатели, когда называли последствия реформы «больше игрой в капитализм, нежели проявлением его действительных отношений». И почему-то очень актуально звучат сегодня слова В. Воронцова, сказанные еще в 1882 году: «Мы переняли с Запада все атрибуты и орудия капиталистического производства и меньше всего само производство» [19. С. 72—73]. Итак, после 1861 года

до самого начала XX века Россия в целом ни капиталистической, ни буржуазной не стала.

3

Переход к нэпу в 1921 году заложил интенции буржуазного развития, но по ряду причин не создал капиталистического общества.

Большевики в 1917-м предложили обществу политическую тактику, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но стратегически политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и Гражданской войны, и в какой-то мере идеологическими чаяниями большевиков, оказалась политической стратегией, которую общество не приняло, и от этой политики после окончания Гражданской войны пришлось отказаться.

Уже здесь мы видим, как не работает «теория альтернатив». Большевики очень не хотели переходить к нэпу — это был серьезный кризис господствовавших ранее убеждений и идеалов. Известно, что Троцкий еще в 1920 году предложил реализовать некоторые меры в духе будущего нэпа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. Объективная составляющая экономического развития общества потребовала смены парадигм, и большевики пошли на этот переход, даже вопреки своим идеологическим установкам. Поэтому и Ленин неоднократно говорил о нэпе как об отступлении, и даже самотермидоризации. Теоретически была ясна неизбежная перспектива именно буржуазного развития — пусть и в своеобразной форме, чего большевики очень не хотели. И хотя история вынудила их развивать рыночные и буржуазные отношения, последовательно такая политика не проводилась — господствовала двойственность.

Еще в начале 1920-х годов это было отмечено в своеобразной концепции национал-большевизма. В 1922 году основоположник этой концепции, философ и историк политической мысли Н. В. Устрялов отмечал, что Советская власть идет на уступки, на вынужденный компромисс с жизнью: «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от “лозунгов социалистической революции”, твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — “буржуазной” природы». Революционная Россия, писал он далее, «превращается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну» [20. С. 139, 232]. Замечу, что хотя национал-большевизм никогда не был объявленной официальной идеологией в СССР, но он несомненно являлся идеологией теневой, тем руководством к практическим действиям, которое с большей или меньшей последовательностью проводилось весь советский период.

Многими характерными чертами общество, возникшее после революции, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое. Есть колоритная зарисовка М. Горького о человеке, который после рево-

люции рассказывал ему о жизни в провинции: «Самое интересное и значительное — буржуй растет!.. Как же это? Социалистическое отечество, и вдруг — буржуй растет! И такой, знаете, урожай на него, как на белый гриб сырым летом. Мелкий такой буржуй, но крепкий, ядреный» [21. С. 462]. И действительно, многие, если не все, экономические мероприятия Советской власти были по своему характеру буржуазными. Под «буржуазностью» в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) следовать принципам рационального экономического поведения в своей повседневной и хозяйственной деятельности. Буржуазность — это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по старому, хозрасчет, доведенный до каждого человека.

Но буржуазность — это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию. В условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах: было много своеобразия, источником которых, с одной стороны, были неизжитое крепостничество — например, индивидуализм не играл решающей роли; с другой стороны, советская идеология и социалистическая фразеология, которые осуждали и тормозили буржуазные, мещанские интенции в официальной жизни. В реальной жизни эти последние, конечно же, доминировали.

Итак, буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в России советской. Это проявлялось в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т. д. Развитие экономики, повышение эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве — все это суть проявления буржуазного способа производства. Ничего социалистического там не было. Там индустриализация являлась необходимым элементом формирования и развития капиталистического способа производства, а не тенденцией посткапиталистического уклада. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы, и только в результате ее проведения страна перестала быть аграрной. Напомню, что лишь в середине 1950-х годов городское население СССР превысило сельское, то есть всего-то 60 лет назад советское общество стало урбанизированным. Именно в ходе и вследствие индустриализации получили развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т. п.

Все это, конечно, еще не было капитализмом в его классической форме, но олицетворяло господство своеобразных буржуазных отношений. Сложность состоит в том, что правящая элита советского периода все это называла социализмом, сделала это понятие привычной формулой. Поэтому практика без конца натыкалась на массу противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социаль-

ных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью.

Впрочем, и при сохранении буржуазного способа производства распределения по капиталу в СССР все-таки не было. Распределение осуществлялось частично по труду (буржуазный принцип), частично по социальному статусу в бюрократической иерархии (сословно-крепостнический пережиток). Именно поэтому отношения советского периода характеризовались двойственностью. С одной стороны, навязывались социалистические ценности и соответственно ориентировали развитие трудящихся; отсюда — высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. С другой — люди все больше пропитывались буржуазными настроениями и ценностями. Особенно ярко это стало проявляться в брежневские времена «застоя».

Итак, и в советский период российское общество не стало в полной мере буржуазным. Господствовала смесь буржуазной объективности, сословно-крепостнических пережитков, социалистической фразеологии и интенций социального государства. Причем последнее вовсе не отрицает факта господства буржуазных экономических отношений. Никакая диктатура класса, партии или одного лица не в силах переломить ход истории. Сто лет развития своеобразного капитализма в России делают невозможным переход к классическому (эпохи первоначального накопления капитала) капитализму сегодня. Нельзя вернуться к тому, что историей пройдено. Но, в свою очередь, это требует нового осмысления путей возможного развития страны.

4

Реформаторы 1991 года открыто и ясно продекларировали переход к рыночной экономике, но почему-то до сих пор стесняются назвать Россию буржуазной и капиталистической страной. И действительно, таковой Россия в полном смысле не стала и сегодня.

Люди, пришедшие к власти после 1991 года, пытались изменить экономические и политические основы общества, его социальную структуру. Насчет смены элит у них не было сомнений, ибо они выгнали всех старых правителей и сами уселись у руля, произведя формальную смену элит. И хотя сегодня у власти находятся другие лица, но радикальной смены социального строя не произошло. Но насколько серьезными были эти изменения, чтобы их можно трактовать как слом старой советской системы и создание новой?

Прежде всего проанализируем изменения в системе отношений собственности. В старом, «социалистическом», обществе основой социально-экономического строя являлась государственная собственность. Сегодня легализована и преобладает собственность частная: почти 80 процентов предприятий из государственных переведены в акционерные. Однако от такого переименования, по существу, мало что изменилось — кроме того, что директора этих предприятий получили неограниченные возможности делать то, что хотят, или то, что

могут. Как обоснованно замечает А. В. Бузгалин, в современной России «за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение» [22. С. 136].

Никакой существенной разницы между оставшимися государственными и новыми акционерными предприятиями обнаружить невозможно. Неплатежи, простои, убытки и т. п. на тех и других предприятиях совершенно одинаковы. Появление акционерных предприятий также не создало новых классов или слоев общества. Директора, служащие, рабочие продолжают рассматривать себя в качестве государственных служащих, основные претензии предъявляют именно государству. Директор (хозяин) убыточного акционерного предприятия не может распродать имущество неэффективного предприятия по одному своему желанию и вложить высвобожденный капитал в более прибыльное дело. Этот директор связан сотнями нитей, которые и составляют экономическую основу общества. То есть последняя, по сути дела, осталась прежней, при сильной «государственной вертикали».

Люди, пришедшие к власти после 1991 года, пытались изменить экономические и политические основы общества, его социальную структуру. Насчет смены элит у них не было сомнений, ибо они выгнали всех старых правителей и сами уселись у руля, произведя формальную смену элит. И хотя сегодня у власти находятся другие лица, но радикальной смены социального строя не произошло.

Социальная структура общества также изменилась незначительно. Не появился в заметном числе класс капиталистов. Так называемый средний класс резко сократился после советских времен, но продолжает оставаться довольно внушительной социальной силой. Специальные расчеты показывают его величину в пределах примерно 30 процентов к общей численности населения (в советский период — почти 50 процентов) [23. С. 253–265]. Конечно, сегодня влияние и роль среднего класса ощутимо снизились. Основную же его часть по-прежнему составляет средний класс советских времен (интеллигенция, специалисты народного хозяйства, офицерский состав армии и других аналогичных структур, государственные чиновники, хозяйственные руководители).

По сути, не так сильно, как можно было бы себе представить, изменились и политические основы общества. Начиная с президентства В. В. Путина, явно проявилась тенденция к реставрации многих элементов советской системы. Так что утверждать, что с распадом СССР ушла в прошлое и его социально-экономическая система, явно преждевременно. Социально-экономический строй СССР сложился не столько под влиянием какой-либо идеологии, сколько под давлением объективной экономической необходимости, обусловленной задачей выживания громадной страны с суровым климатом и многочисленным и разнообразным населением. Такая система не может разрушиться сама собой. Она способна изменить механизм функционирования, историческую форму существования, но не свою суть, которая остается прежней: смесь буржуазной объективности, сословно-крепостнических пережитков, националистической (вместо социалистической) фразеологии и импотенций (вместо интенций) социального государства. Поэтому миновать стадию буржуазности Россия никак не может.

5

Чтобы понять, стала ли Россия буржуазной, следует разобраться в том, что представляет собой буржуазность. Хорошо это или плохо? Если следовать В. Зомбарту, то это явление включает три характеристики: прилежание, бережливость, благополучие [24. С. 142]. С учетом выводов М. Вебера к этому перечню следует добавить еще честность и пунктуальность [25. С. 72]. Наконец, не будем забывать и о том, что в русском языке под «буржуазией» изначально понимались «мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд».

Проблема буржуазности или мещанства занимает, пожалуй, центральное место в социальной системе. И если раньше, презрительно употребляя слово «мещанин», мы называли так человека с мелкими интересами и узким кругозором, то сегодня приходится отказаться от этого негативного стереотипа. Даже несмотря на то, что к его созданию приложила руку едва ли не вся классическая русская литература. Так, например, по Герцену, уж лучше мотовство, чем мещанство: «Расточительность, мотовство неразумно, но не подло, не гнусно. Оно потому дурно, что человек ставит высшим наслаждением самую трату и негу роскоши; но его неуважение к деньгам скорее добродетель, нежели порок» [26. С. 375]. Или вот еще: «Помещичья распущенность, признаться сказать, нам по душе; в ней есть своя ширь, которую мы не находим в мещанской жизни Запада» [27. С. 154]. Но ведь элементарное мещанство, бережливость и даже крохоборство куда лучше «помещичьей распущенности» и других излишеств азиатчины и рабства! Не говоря уже о том, что помещик мог позволить себе «ширь» лишь за счет своих несчастных крепостных. В конце концов не всем же быть героями, кто-то должен ежедневно делать и мелкую, рутинную, часто противную работу.

Тем более что даже Герцен признает некоторые достоинства мещанства: «Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких до-

стоинств; она воздержана, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба — в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. Это огромный шаг вперед, но вовсе не артистический» [28. С. 136].

Не мешает вспомнить и отдельные замечания К. Маркса и Ф. Энгельса. Например такие: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль... Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [29. С. 426, 429]. И действительно, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не отрицали того очевидного факта, что буржуазная стадия развития есть громадный шаг вперед по сравнению с предшествующими историческими этапами.

Так на какой стадии находится нынешняя Россия, и почему ей следует бояться буржуазности?

В конце концов когда-то надо пройти и буржуазную стадию развития. И понимая все ее негативные стороны, следует попытаться сделать этот процесс планомерным и управляемым. В противном случае страна так и не выберется из пут сословно-крепостнических пережитков.

Литература

¹ Герцен А. И. К старому товарищу // **Он же**. Собрание сочинений : в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966. Т. 20. Кн. 2.

² Герцен А. И. Старый мир и Россия // **Он же**. Собрание сочинений. Т. 12.

³ Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // **Он же**. Собрание сочинений. Т. 14.

⁴ Троцкий Л. Д. Политические силуэты. М.: Новости, 1990.

⁵ Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука, 2002.

⁶ Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2. Т. 23.

⁷ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992.

⁸ См. Милоков П. Н. Республика или монархия? Б. м., 1929.

⁹ См. Бердяев Н. И. Мирозозерцание Достоевского // **Он же**. Собрание сочинений. Париж: YMCA-PRESS, 1997. Т. 5.

¹⁰ Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // **Он же**. Полное собрание сочинений. Т. 20.

¹¹ Квиринг Э. Марксизм-ленинизм о диктатуре пролетариата и строительстве социализма // Сборник Института экономики к пятидесятилетию смерти К. Маркса / под ред. Э. Квиринга. М.: Партиздат, 1933.

¹² Кудров В. М. Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя, 2007.

¹³ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997.

¹⁴ Елисеев Г. З. Крестьянская реформа // Народническая экономическая литература : избранные произведения. М., 1958.

¹⁵ См. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов : в 5 т. М.: Наука, 2006. Т. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 2.

- ¹⁶ **Валлерстайн И.** Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008.
- ¹⁷ **Чехов А. П.** Вишневый сад // **Он же.** Собрание сочинений : в 12 т. М.: Художественная литература, 1953–1957. Т. 9.
- ¹⁸ **Gerschenkron A.** Europe in The Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1970.
- ¹⁹ **Воронцов В. П.** Экономика и капитализм : избранные сочинения. М., 2008.
- ²⁰ **Устрялов Н. В.** Национал-большевизм. М., 2003.
- ²¹ **Горький М.** Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2000.
- ²² **Бузгалин А.** Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная Мысль. 2014. № 1.
- ²³ **Воейков М.** Средний класс в динамике постсоветских трансформаций // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014.
- ²⁴ **Зомбарт В.** Буржуа. М.: Наука, 1994.
- ²⁵ **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // **Он же.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- ²⁶ **Герцен А. И.** Дневник. 1844 г. // **Он же.** Собрание сочинений. Т. 2.
- ²⁷ **Герцен А. И.** Былое и думы. Ч. 4 // **Он же.** Собрание сочинений. Т. 9.
- ²⁸ **Герцен А. И.** Концы и начала // **Он же.** Собрание сочинений. Т. 16.
- ²⁹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // **Они же.** Сочинения. Т. 4. ◆